

Александр Хижняк

кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Oleksandr Khyzhniak

Ph.D. in Sociology, Associate Professor at Department of Applied Sociology and Social Communication,
V.N. Karasin Kharkiv National University

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЛИДАРНОСТЬ И ДОВЕРИЕ КАК КОНСТРУКТЫ МАССОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

This article is devoted to identifying the role of collective identity, collective solidarity and trust in the dynamics of contemporary Eastern European borderzone. Characteristics and perspectives of mass mobilization in the Eastern European borderzone are determined by the peculiarities of the Borderzone: by social composition of its people, their mental traits, institutional and socio-cultural factors. Development of the Eastern European borderzone depends on how collective identity, collective solidarity and trust will be implemented in the process of mass mobilization during social intercultural interactions. The thesis that mass mobilization gives dynamism to the processes of registration of Eastern European Borderzone appearance is proved. The mass mobilization is based not only on socio-economic factors, but also has socio-cultural component. The role of identity, solidarity and trust in the collective social action aimed at mass social mobilization is determined. The author's concept is that the constructs of mass mobilization in the Eastern European borderzone become, firstly, the collective identity that sets the limits of collective action, distinguishes its participants and non-participants; secondly, the collective solidarity, which provides steady motivation for collective action; thirdly, the trust that serves to integrate its members in the collective social action.

Keywords: collective identity, collective solidarity, trust, collective action, mass mobilization, Eastern European borderzone.

Стаття присвячена визначенню ролі колективної ідентичності, колективної солідарності та довіри в динаміці сучасного Східноєвропейського прикордоння. Характеристики та перспективи масової мобілізації на Східноєвропейському прикордонні зумовлені особливостями цього Прикордоння: соціальним складом його жителів, їхніми ментальними рисами, інституційними та соціокультурними чинниками. Розвиток Східноєвропейського прикордоння залежить від того, як колективна ідентичність, колективна солідарність і довіра будуть здійснюватися в процесі мобілізації мас під час соціальних міжкультурних взаємодій. Обґрунтована теза про те, що мобілізація мас дає динамізм процесам розвитку Східноєвропейського прикордоння. Мобілізація мас базується не тільки на соціально-економічних факторах, але також має соціально-культурну складову. Роль ідентичності, солідарності та довіри у розгортанні колективного соціальної дії полягає в тому, що вони спрямовують масову соціальну мобілізацію. Концепція автора виходить з того, що конструктами масової мобілізації на Східноєвропейському Прикордонні виступають, по-перше, колективна ідентичність, яка задає межі колективної дії, відрізняє його учасників і не учасників; по-друге, колективна солідарність, яка формує стійку мотивацію на колективні дії; по-третє, довіра, яка в колективній соціальній дії покликана інтегрувати її учасників.

Ключові слова: колективна ідентичність, колективна солідарність, довіра, колективні дії, мобілізація мас, Східноєвропейське Прикордоння.

Статья посвящена выявлению роли коллективной идентичности, коллективной солидарности и доверия в динамике современного Восточноевропейского пограничья. Характеристики и перспективы массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье обусловлены особенностями этого Пограничья: социальным составом его жителей, их ментальными чертами, институциональными и социокультурными факторами. Развитие Восточноевропейского пограничья и доверие будут осуществляться в процессе мобилизации масс во время социальных межкультурных взаимодействий. Обоснован тезис о том, что мобилизация масс дает динамику процессам развития Восточноевропейского пограничья. Мобилизация масс базируется не только на социально-экономических факторах, но также имеет социально-культурную составляющую. Роль идентичности, солидарности и доверия в развертывании коллективного социального действия состоит в том, что они направляют массовую социальную мобилизацию. Концепция автора исходит из того, что конструктами массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье выступают, во-первых, коллективная идентичность, которая задает пределы коллективного действия, отличает его участников и не участников; во-вторых, коллективная солидарность, которая формирует устойчивую мотивацию на коллективные действия; в-третьих, доверие, которое в коллективном социальном действии призвано интегрировать его участников.

Ключевые слова: коллективная идентичность, коллективная солидарность, доверие, коллективные действия, мобилизация масс, Восточноевропейское пограничье.

Постановка проблемы

Потребность в разработке концепции массовой мобилизации в ходе модернизации Восточноевропейского пограничья; выделение ее видов, форм проявления, функций, социальных механизмов обусловлена динамикой происходящих социальных процессов. Меняется ситуация в ходе массовой политической мобилизации. Исследования социологов показали, что в условиях социального кризиса растет число тех общественных формирований, которые призваны решать самые острые повседневные проблемы (незаконные увольнения, профилактика девиантного поведения и т. д.). Отмечается рост активности правозащитных организаций. Эту нишу начали занимать также политические партии, общественные приемные которых фактически открыты для приема граждан по вопросам в основном повседневного выживания: идет ли речь о низкодоходных пенсионерах, или о предпринимателях, интересы которых лежат в сфере дерегуляции предпринимательства со стороны государства. Однако политические партии, вторгаясь в сферу выражения и защиты интересов граждан, сталкиваются с необходимостью учета новой реальности: защищать свои интересы граждане стремятся не только через партии, но и социальные движения как форму коллективного действия. Можно предположить, что политическая партия тогда будет востребована потенциальным электоратом и поддержана коллективными действиями с его стороны (в т. ч. протестными), если будет пользоваться доверием и артикулировать реальные повседневные интересы граждан, используя при этом современные коммуникативные механизмы.

Мобилизация рассматривается учеными как ключевая категория теории социальных движений, которой охватывается переход социального движения из одного состояния в другое, из «спокойного» в мобилизационное с изменением участников, структуры, функций движения. К ключевым понятиям теории мобилизации обычно относят: типы ресурсов, способы их производства, технологии мобилизации, расстановка сил, сетевая мобилизация, стадии мобилизационных состояний, «коридор мобилизации» и др. [35]. Необходимость научного обоснования социальных технологий проведения массовых протестных акций в новых условиях привела к тому, что исследователи условно разделили социальные движения на новые и старые, соответственно, это потребовало и новых подходов к теории мобилизации и коллективного действия. Так, К. Клеман (2006) провел исследование социальных движений нового типа, созданных по модели сетевых структур. Эти движения несут на себе отпечаток нового времени, отличаются от «старых» форм общественной и политической активности, ассоциирующихся с первомайскими демонстрациями на постсоветском пространстве в прошлом, обязательными профсоюзными или партийными собраниями и официозными мероприятиями. Сущностные характеристики новых социальных движений (по К. Клеману): значимая роль неформальных лидеров, слабая формализация организации (отсутствие устава, регистрации и т. п.), сетевой принцип организации, преимущественная мобилизация ресурсов постматериального типа (знание, культурная идентичность, индивидуальная идентичность, ценности); плюрализм интересов; открытость

и готовность к сотрудничеству с другими организациями и сетями [15].

Что актуализирует массовую мобилизацию и направляет коллективные действия людей? Выделим основные факторы, которые могут стать критериями при проведении компаративного анализа социальной мобилизации в отдельных странах Восточноевропейского пограничья.

1. Рейтинг социально-экономических проблем в стране. Коллективные действия по массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье имеют общую экономическую основу, сквозь призму которой население оценивает свое настоящее и перспективы развития, это становится фактором социальной тревожности. Речь идет о таких факторах, как рост цен, бедность, безработица и будущее детей, что больше всего заботит как украинцев, так и молдаван, белорусов. Так, согласно официальной статистике, каждый шестой гражданин Молдовы находится за чертой бедности, уровень бедности в стране составляет 17,5 %. Экспертные оценки другие: на самом же деле этот показатель абсолютно не отражает реальной картины и в несколько раз превышает его. В сельской местности уровень бедности составляет 25 %, т. е. каждый четвертый житель села не располагает достаточным количеством денежных средств, в Кишиневе это показатель достигает лишь 4 % (каждый 25-й кишиневец – бедняк). Эта разница обусловлена источниками дохода и возможностями, которые предоставляет среда обитания для того, чтобы человек смог обеспечить соответствующие условия жизни. По данным соцопроса «Барометр общественного мнения», проведенного Институтом общественных политик (Молдова), бедность – проблема, которая больше всего тревожит население Молдовы (такое мнение высказали 38,8 % респондентов). Во вторую очередь, граждан республики, а именно 29,1 % опрошенных, беспокоят цены, еще 20,4% населения страны волнует безработица. Также из результатов опроса следует, что жителей Молдовы не оставляет равнодушными будущее детей, кроме того их беспокоит коррупция, финансовый кризис, голод, болезни и организованная преступность. Ровно треть граждан республики – 33,3 % не могут определиться с тем, довольны ли они, как живут, 29,3 % опрошенных – не удовлетворены уровнем жизни, 19,3% совсем не довольны этим аспектом и только 15,9 % респондентов ответили, что их устраивают те условия, в которых они живут. Опрос населения Молдовы проводился Институтом общественных политик с 30 октября по 12 ноября 2012 г. Погрешность результатов составляет $\pm 2,8$ % [5].

2. Оценка населением правильности/неправильности направления развития стра-

ны. Этот фактор может стать как консолидирующим власть и население, так и играть деструктивную роль, провоцировать коллективные протестные действия. В Украине акция «Евромайдан» стала коллективным действием в ответ на изменение властью вектора развития страны. В Молдове общественное мнение склоняется к тому, что страна развивается в неправильном направлении в силу низкого качества жизни. Например, более двух третей граждан Молдовы (69,4 %) считают, что страна развивается в неправильном направлении. Об этом свидетельствуют данные исследования, проведенного Институтом общественных политик республики. При этом, четверть молдаван (24,3 %) думают, что дела в стране идут хорошо, а 6 % – не знают, что сказать по этому поводу. Вместе с тем, 72,1 % респондентов недовольны экономической ситуацией в стране и лишь 5,6 % опрошенных отметили, что довольны условиями жизни. При этом, 19 % жителей не готовы оценить положительные и отрицательные аспекты данного вопроса. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет ± 3 % [9].

А в Беларуси, несмотря на уменьшение интереса населения к Союзному государству, все еще актуален российский вектор развития, позволяющей стране решать многие социально-экономические проблемы. В начале XXI в. около 80 % населения страны считали, что Беларусь и Россия должны развиваться в рамках Союзного государства, то сегодня число таких людей значительно уменьшилось. Так, в 2011 г. около 40 % населения страны считали, что Беларусь и Россия должны и дальше развиваться в рамках Союзного государства. Более 50 % населения считают, что Беларуси и России стоит развиваться по международным договорам, а Беларусь должна быть более независимой в принятии решений. И только 2 % считают, что страна должна войти в состав России. Беларусь – независимое государство, которое не войдет в состав России, а газовые и молочные войны демонстрируют, что жители Беларуси в определенной степени считают, что наша страна должна принимать решения и справляться с проблемами, опираясь, прежде всего, на собственные силы, возможности и способности. Как относятся жители Беларуси к вступлению страны в НАТО: только 7 % населения страны готовы на это. Что касается присоединения Беларуси к ЕС, то за это выступает треть населения согласно, чтобы Беларусь вступила в Европейский союз. Эти и другие исследования показывают, что в целом население Беларуси поддерживает интеграционные процессы. Беларусь и Рос-

сия являются давними друзьями и партнерами, и лишь 7-10 % населения выступают против российского вектора и экономической интеграции двух стран [30].

3. *Учет властью в ходе управления страной интересов народа.* Это тот индикатор, который характеризует дистанцию между властью и народом. Социологический опрос в Молдове показал: абсолютное большинство респондентов считает, что страна управляется не в интересах народа. Такой точки зрения придерживаются 82,1 % граждан Молдовы. Лишь 13,3 % уверены в обратном. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет ± 3 % [9].

Вместе с тем даже при наличии общих факторов в развитии разных стран Восточноевропейского пограничья коллективные действия в ходе массовой мобилизации могут существенно различаться в зависимости от социокультурной ситуации в различных сегментах Пограничья и состояния этого Пограничья. Характеристику Приграничья на постсоветском пространстве дала О. Бредникова. Она считает, что постсоветское пограничье, появившееся на волне формирования новых национальных государств на постсоветском пространстве и ставшее уникальным исследовательским полигоном, привело к появлению транснациональных жизненных стратегиях людей, игнорирующих границы. Поэтому при исследовании приграничных территорий необходимо учитывать три уровня, определяющих социальную жизнь в Приграничье: национальное строительство, процессы глобализации и процесс воспроизводства региональности (локальности) [8].

Мы опираемся на предложенную Л. Титаренко концептуализацию Пограничья, которая исходит из того, что состояние и перспективы Восточноевропейского Пограничья для Беларуси, Украины и Молдовы – это проблема их будущего развития либо в Восточном направлении, либо в Западном (Европейский Союз), либо по пути развития своей собственной уникальности, позволяющей претендовать на роль «культурного посредника» между Западом и Востоком [24]. Управляемость любого из названных процессов и его результат зависит от того, насколько в процессе массовой мобилизации будут реализованы коллективная идентичность, коллективная солидарность и доверие в ходе социальных межкультурных взаимодействий. Данная статья как раз и посвящена выявлению роли коллективной идентичности, коллективной солидарности и доверия в динамике современного Восточноевропейского пограничья. Мы исходим из того, что динамизм процессам оформления облика Вос-

точноевропейского пограничья придает массовая мобилизация, которая базируется не только на социально-экономических факторах, но также имеет социокультурную составляющую, которая в современном нестабильном мире гибридная и неустойчивая. Именно поэтому «пограничность полезно воспринимать как открытый процесс, а не состояние, причем процесс, в понимании которого крайне важны исторические и политические импликации, дабы он не превратился в очередную пустую оболочку» [11, с. 156].

Коллективная идентичность как условие массовой мобилизации

Современные государственные границы на постсоветском пространстве, в т. ч. в Восточноевропейском пограничье, наделяются иными смыслами, чем смысл границы между двумя национальными государствами. Государственная граница зачастую вписывается в жизненный мир людей через категории времени (прошлое/настоящее/будущее), географические категории (Восток/Запад/ Европа/ Азия) и категории культуры. Поэтому так важно реконструирование смыслов, приписываемых границам, и анализ идентичности, которая зачастую утверждается «дифференциально», через игру сравнений и контрастов, когда в качестве референции востребуется «сосед» [8, с. 496].

Проблемы коллективной идентичности стали объектом изучения в работах О. Астафьевой [4], Б. Дубина [14], Л. Гудкова [13], В. Римско-го [22]. Исследователи указывают на идентификационный кризис и образование гибридных идентичностей в современной Европе, в частности, «противоречия, характеризующие разновекторные тенденции, уже длительное время не позволяют разрешить проблему европейской идентичности, без которой самоопределение Европы как региональной общности остается незавершенным. Именно поэтому достижением ее национального единства (nationstate unit) как целевой установкой пронизан политический и научный дискурс» [4, с. 261]. Не менее проблематизирован этот вопрос в Восточноевропейском пограничье, где коллективная идентичность претерпевает глубокую трансформацию еще и в силу перехода от коллективистской к индивидуалистической культуре.

Реализуя междисциплинарный поход, коллективную идентичность чаще всего определяют как такую, которая выступает «... результатом массового (группового) осознания тождества и различий с людьми, включенными в другие общности, и проявляется в таких формах, как социальная, социокультурная, цивилизационная, этнокультурная, национальная, гражданская, гендерная, профессиональная, и других модификациях в зави-

симости от трактовки центральных понятий и содержащихся в них смыслах» [4, с. 257]. Исследователи, в частности, М. Кузнецова [16, с. 125-126], с одной стороны, ссылаются на Э. Гидденса, который идентичность рассматривал в зависимости от динамики социальной структуры, считая, что устойчивый социальный порядок – результат влияния социальных институтов на идентичность индивида, а с другой – отмечают, что, например, в Беларуси, государство, стремясь не потерять управляемость социальной жизнью, задает «векторы социальной идентичности всех объектов образовательного пространства» [16, с. 140]. Сделать это без акцента на особую роль формирования коллективной идентичности достаточно проблематично. Собственно, новая коллективная идентичность начинает целенаправленно формироваться образовательными институтами (дошкольное, школьное, высшее, последиplomное обучение), а в условиях непрерывного образования она становится множественной, что во многом объясняется расширением свободы выбора индивида в процессе его жизненных траекторий и стремлением получить групповую поддержку через групповую (коллективную) принадлежность. Последняя играет ведущую роль в процессах массовой мобилизации. Размышляя о вирусе «массовизации», Л. Поляков на основе ионинской концепции «инсценирования идентичности», показал, что социальная структура Модерна формируется множеством меньшинств, каждое из которых становится своего рода замкнутой «микро-массой». Концепция «инсценирования идентичности» также объясняет, почему теория «демократического транзита» не работает в постсоветском (постмодерновом) социальном контексте [19].

В настоящее время на массовую мобилизацию в Восточноевропейском пограничье существенно влияет такой фактор, как множественная идентичность, которая, к тому же, целенаправленно формируется на государственном уровне по различным направлениям, три основных из них мы попытаемся выделить и проанализировать.

1. *Формирование национальной идентичности в диаспорах.* Это важно особенно для поддержки массовой социальной мобилизации в критические для стран Восточноевропейского пограничья моменты.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах. Так, поддержка со стороны диаспоры была значимой для Украины в начале 90-х гг. XX ст., во время двух Евромайданов (2004-2005 гг. и 2013-2014 гг.). Работа с диаспорами активно проводится в Беларуси. По разным данным, за рубежом проживает около 2,5 млн. белорусов и их потомков. Белорусская диаспо-

ра представлена на всех континентах, однако больше всего белорусов в России, Польше, Украине, Казахстане, Молдове и государствах Балтии. Во многих странах созданы этнические общественные объединения, которые занимаются разнообразной социокультурной деятельностью. Изначально содействие в организации белорусскому общественному движению за рубежом оказала принятая в 1993 г. госпрограмма «Белорусы в мире», которая, выполнив свое предназначение, завершилась спустя шесть лет. С 1999 года в поддержку соотечественников разрабатывались и реализовывались еще несколько проектов. Следующая госпрограмма «Белорусы в мире» была утверждена в конце 2013 г. и рассчитана до 2015 г. [29]. В Беларуси в 2011 г. был проведен Первый фестиваль искусств белорусов мира, в котором приняли участие около 250 человек из 12 стран. В 2013 г. восстановлена практика проведения в Минске курсов повышения квалификации для руководителей самодеятельных творческих коллективов белорусской диаспоры. Также был объявлен конкурс на лучшую презентацию и популяризацию белорусской культуры за рубежом, по итогам которого призов и дипломов удостоились 26 участников из 12 государств [29].

Примером сохранения коллективной идентичности белорусов на территории Молдовы может служить деятельность Белорусской общины Молдовы, которая существует на протяжении последних 20 лет, продвигая белорусскую культуру, традиции, язык, развивая культурный диалог, способствуя взаимному духовному обогащению народов Беларуси и Молдовы. Белорусы Молдовы добились того, что жители республики относятся к ним лучше, чем к представителям других этносов, проживающих в стране [7]. Формирование коллективной идентичности в Восточноевропейском пограничье активизировалось, в т. ч. на государственном уровне. Госпрограмма «Белорусы в мире» на 2013-2015 гг. призвана закрепить и расширить конструктивный диалог государства с диаспорой, содействовать развитию культурных и экономических связей с зарубежными странами и привлекать инвестиции в республику с участием земляков [29]. В Беларуси при Министерстве культуры сформирован Консультативный совет по вопросам белорусов зарубежья, в состав которого входят 12 представителей государственных и общественных организаций Беларуси и 21 представитель от крупных общественных объединений соотечественников, проживающих в других странах [29]. Важно найти опору модернизации в отечественной культуре: если государство опекает производство культурных ценностей, то важно ограничить государственные формы поддержки культуры от ориента-

ции на критерии рыночного успеха [20].

Следует особо указать на то, что в современной Европе в связи с усиливающимися миграционными процессами формирование диаспор (а значит и их влияние на коллективную идентичность) достаточно противоречиво. В пользу противоречивой роли диаспоры в формировании коллективной идентичности такие аргументы, например, приводит О. Астафьева: «В настоящее время диаспоры не всегда выступают системным этнокультурным образованием, ибо осознание ими этнического своеобразия и базирующейся на ее ценностях субкультурной идентичности может как иметь институциональную поддержку, так и носить спонтанный или самоорганизационный характер отношений с людьми, представляющимися «коренными» («origins») жителями страны. Более того, в современных либеральных демократических государствах, испытывающих давление миграционных потоков, национальная идентичность, как правило, поддерживается разными ресурсами, но включение субкультурной идентичности в коллективную идентичность на уровне повседневности происходит в разных моделях и может иметь разные последствия (сосуществование на принципах дополнительности; мультикультурный сценарий; гибридизация и пр.)» [4, с. 268]. При этом миграции усложняют процессы идентификации (как индивидуальной, так и коллективной). Например, трудно не согласиться с таким мнением: «Гражданскую идентичность человека, родившегося в одной стране, проживающего – в другой, а работающего – в третьей, мы могли бы назвать «мерцающей идентичностью». С одной стороны, ситуация «трансграничья», в которую включены люди, обладающие этим типом гражданской идентичности, – маркер современных интегративных процессов, однако с другой – это ситуация затрудняет процесс становления гражданской идентичности» [4, с. 278].

2. *Формирование европейской идентичности в Восточноевропейском пограничье.* Как относятся белорусы, украинцы, молдаване к интеграционным процессам? Хотят ли они присоединиться к каким-нибудь международным структурам или, наоборот, выступают категорически против каких-либо союзов? Этот вопрос в последние два десятилетия постоянно находился в поле зрения социологов.

Следует отметить, что формирование европейской идентичности сегодня достаточно технологизировано не только в странах Евросоюза, но и в Восточноевропейском пограничье. Об этом свидетельствует ряд мер, программ, которые активно реализуются в странах Пограничья. Так, в Украине на протяжении мно-

гих лет успешно проходят Дни Европы. В Беларуси с конца 2013 г. стартовал проект «Схема мобильности для целевых контактов между людьми (MOST)» в рамках Ежегодной программы действий ЕС для Беларуси (правительство Беларуси и Европейская комиссия подписали соглашение о финансировании данного проекта). Соглашение предусматривает привлечение средств технической помощи ЕС в объеме 5 млн. евро для расширения межличностных контактов между Беларусью и ЕС в сферах культуры, образования, молодежи и научных исследований. Реализация проекта будет способствовать обмену опытом и знаниями между гражданами Беларуси и стран – членов Евросоюза [21]. Такие проекты носят массовый и мобилизационный характер.

Рассмотрим одну из актуальных сфер коллективных действий по массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье – *безвизовый режим с Европейским Союзом.* Этот путь к новому качеству межкультурных коммуникаций и социального пространства данного пограничья вызывает дискуссию. Так, общественность активизируют планы отменить визовый режим для граждан Молдавии, у которых есть биометрические паспорта. Возможность ездить в страны ЕС без визы облегчит контакты между людьми и укрепит бизнес, социальные и культурные связи между ЕС и Молдавией. Характерна такая оценка: «Безвизовый режим с Евросоюзом не решит внутренние проблемы Молдовы, такие как бедность, безработица, контроль государственных институтов и проблемы в сфере юстиции. Безвизовый режим с ЕС выгоден тем, у кого есть деньги, чтобы ездить за границу на отдых. На поездки граждан на работу в страны ЕС либерализация визового режима не повлияет. Этот «там-там» вокруг возможности безвизового режима не изменит ситуацию в Молдове. Скандалы, с которых начался этот год, крайне негативно влияют на имидж Молдовы в глазах зарубежных партнеров. Молдова не получит безвизовый режим в 2014 г. Если и будет принято решение о введении безвизового режима ЕС-РМ, то оно будет исключительно политическим», – отметил в январе 2014 г. политический аналитик, бывший посол Молдовы в ООН и Совете Европы Алексей Тулбуре [6].

3. *Формирование коллективной идентичности на основе регионального объединения стран.* В частности, ряд исследователей (П. Тамаш, Л. Титаренко) такое развитие событий считает жизненной стратегией Пограничья. Аргументом служит то, что этим странам приходится решать «... общие проблемы существования между двумя полюсами силы. Поскольку Пограничье имеет много субъектов действия и общий контекст, постольку

различные конфигурации этих субъектов действия могут стать успешными игроками в поиске новых компромиссов между Востоком (Россией) и Западом (Евросоюзом), осуществляя функции коммуникации» [24, с. 33-34].

Между тем региональная специфика Восточноевропейского пограничья представляется не столь очевидной, если исходить не только из критерия общности границ между Украиной, Беларусью и Украиной, но даже из общности ментальных характеристик и проявлений коллективной идентичности. Они отличают эти страны, несмотря на шлейф исторических событий, в ходе которых их территории были в одном государственном образовании или в разных. В целом следует согласиться с мнением о том, что «сугубо формальный критерий, а именно государственные границы этих стран, не представляется достаточным: в эпоху бурного развития трансграничных информационных потоков и глобализации границы утрачивают свое прежнее сдерживающее значение» [24, с. 37].

Если продолжить изучение темы в русле данной логики, то коллективная идентичность в Восточноевропейском пограничье становится зависимой от коммуникативных технологий, которые реализуются в данном социальном пространстве, и от тех коммуникативных барьеров (лингвистических, технических и т. д.), которые возникают на этом пути. Поскольку «границы идентификационных матриц коллективных идентичностей в той или иной степени подвижны, независимо от того, будет ли это политическая, этнокультурная, национально-культурная, транснациональная идентичности и др.» [4, с. 258], коммуникативное воздействие на процесс формирования коллективной идентичности в Восточноевропейском пограничье имеет шанс быть продуктивным, т. е. сформировать у населения в процессе коммуникации осознание общности региональных проблем. Хотя возможен и другой сценарий, а именно: взаимное обвинение в возникновении первопричины проблемы, если это транслируется через каналы масс-медиа.

Таким образом, условием массовой мобилизации становится коллективная идентичность, которая в Восточноевропейском пограничье формируется в особой ментальной среде, где патерналистские настроения пронизывают социальную жизнь, в т. ч. диаспоральную политику. Это проявляется в доминирующей роли государства в ходе ее проведения. Причем такое положение санкционируется научной общественностью. Например, белорусские исследователи, считая программы по сотрудничеству с диаспорой чрезвычайно затратными, исходят из того, что «инициативы по взаимодействию с диаспорой должны сходить от государства в лице самих высоких

его представителей, быть гласными и широко рекламироваться. ... Это вызывает доверие к ним» [3, с. 371]. Однако в этих условиях может нарушиться баланс между горизонтальными и вертикальными коммуникациями в ходе массовой мобилизации, вплоть до подавления или полного государственного контроля взаимодействий с диаспорой по вертикали. Кроме того, может подвергнуться деформации идея и конкретные проекты формирования европейской идентичности в Восточноевропейском пограничье, предполагающее как раз диффузные, множественные, взаимопроницающие и свободные формы коммуникаций в рамках европейского сотрудничества.

Коллективная солидарность в массовой мобилизации

Остановимся на теоретических вопросах социологической диагностики коллективной солидарности как особого типа социального действия [28]. В классической социологии социальная солидарность рассматривалась в качестве одного из параметров социального порядка и выступала характеристикой интегрированности общества, следствием особого социального положения групп и качества коллективных взаимодействий. Хотя, как считают многие исследователи, тема солидарных отношений благодаря Э. Дюркгейму вошла в разряд классических проблем гуманитарных наук, конструирование понятия «солидарность» остается неоднозначным. Его трактовки, распространенные в прошлом, не соответствуют современным реалиям, которые требуют более глубокого познания этого феномена и более четкой его интерпретации, которая бы выходила за пределы акцентирования внимания на том, что солидарность является неперенным условием существования общества [26, с. 5-7]. Коллективная солидарность в XXI в. приобретает новые черты, связанные как с экспансией новых информационно-коммуникативных технологий, так и с появлением новых акторов коллективного действия. В наши дни социологическое знание о коллективной солидарности имеет не только академический интерес, но и практически востребовано в процессе проведения социологической диагностики процесса и результата разнообразных по своему репертуару коллективных действий.

Социальное конструирование солидарности в процессе развертывания коллективного действия учитывает повседневные социальные обмены на микро-, мезо- и макроуровне. Солидарность в открытом демократическом обществе может придавать коллективным социальным отношениям, коллективному поведению организационное единство и эффективность в плане достижения уравниваемости, сбалансированности социальных отношений, относительной ста-

бильности. В то же время трудно не согласиться с таким мнением: «Солидарность не повсеместная, она находится под угрозой, ее существование не является первоочередной заботой, но ее отсутствие более чем ощутимо во всей социальной жизни. ... Лучше проблематичность солидарности ощущается тогда, когда ее не оказывается там, где, как предполагалось, ее не может не быть, в ситуациях, где взаимопомощь или взаимная поддержка, доверие, лояльность людей друг другу являются предпосылками нормального хода событий» [26, с. 4]. В дезинтегрированном, кризисном социуме потребность в солидарности (особенно органической, как ее назвал Э. Дюркгейм) особенно насущная, а ее поиски активизируются. На протяжении последних лет происходит ряд социальных изменений, связанных с коллективными солидарными действиями, которые оформляются в коллективную солидарность. Это ставит на повестку дня новые исследовательские задачи.

Во-первых, меняются механизмы социальной солидарности, что особенно наглядно проявилось в последние годы в ходе глобального массового солидарного протеста, охватившего мир в ответ на снижение жизненных стандартов населения на фоне усилий государств Европы и США по спасению финансовых институтов [34].

Во-вторых, меняется соотношение между различными видами солидарности (групповой, локальной, этнической, общественной и др.).

В-третьих, возникают новые типы солидарности (например, внутри виртуальных сообществ, коллективные солидарные действия которых способны выходить за пределы виртуальной реальности и не поддаются традиционным способам изучения, диагностики и регулирования).

Коллективная солидарность – особый тип коллективного действия, которое разворачивается по правилам солидарности и диктует необходимость осознания и защиты общих интересов участников коллективного действия. Этот конструкт недостаточно изучен, несмотря на длительную историю исследования феномена солидарности. Социологическая диагностика коллективной солидарности как особого социального действия не может не учитывать, на наш взгляд, такие теоретические обобщения.

1. Прежде всего целесообразно исходить из того, что коллективная солидарность в поликультурном и сложно структурированном мире не выступает гомогенным образованием, она существует в пространстве, где разворачиваются многочисленные «круги солидарности». Последние способны вносить в социальные отношения противоречия, конфликты. Вместе с тем, коллективная солидарность придает устойчивую мотивацию на кол-

лективные действия (например, протестные). Мотивированное коллективное действие, как правило, более организовано и в определенной степени поддается рациональным способам регулирования.

2. Целесообразно также учитывать наличие в «обществе риска», каким является современное общество, так называемых риск-солидарностей. По мнению, А. Яницкого, диапазон последних чрезвычайно широк. Однако в любом случае, по мнению ученого, основу составляет солидарность производителей риска и солидарность жертв риска, перечень которых неустоявшийся, динамичный. Кроме того, есть потребность в идентификации положительных и отрицательных риск-солидарностей, имеющих разные истоки, механизмы развития и мотивацию участников [33; 34, с. 53, 57].

3. В ходе социологической диагностики в поле зрения эксперта (исследователя) может попасть особый класс так называемых «ложных коллективных солидарностей». Они, как правило, являются следствием манипулирования коллективным сознанием, когда средствами масс-медиа начинают артикулироваться коллективные потребности и интересы, которые не имеют объективного основания, а базируются на вымышленных, специально сконструированных общих чертах и проблемах.

Солидарность является универсальной ценностью, однако известно, что «в глобальном мире все или почти все, что имеет отношение к нормам местной лояльности, не встраивается в общий контекст как угодно абстрактных, но универсальных правил лояльности, а универсальные элементы глобальной культуры не могут быть однозначно переведены в местные правила солидарности» [26, с. 14-15]. Поэтому социологическая диагностика состояния солидарности в локальном территориальном пространстве (например, в мегаполисе) концентрирует внимание на социокультурных и иных локально обусловленных факторах, в частности на состоянии межэтнических отношений, уровне самоорганизации национальных меньшинств.

Феномен солидарности служит устойчивому развитию различных социальных общностей и групп, которые через коллективную солидарность укрепляют свои позиции. Однако механическое вмешательство в этот процесс государственных институтов может оказаться деструктивным. Так, Н. Шульга, основываясь на результатах всеукраинского социологического мониторинга, пришел к выводу, что Украина пытается достичь межгрупповой, межклассовой консолидации путем организации усилий (например, путем внедрения коллективно-договорной практики в рамках трипартизма), но консолидация, которая организуется, неэффективна по нескольким причинам: «во-первых, потому, что сектор ее

влияния в украинском обществе является ограниченным. Он направлен только на занятое население. Все другие группы – они составляют более половины населения – даже теоретически под его влияние не попадают. Во-вторых, эффективность этой модели в нашем обществе невелика. ... В условиях тотального недоверия в обществе говорить о ростках организованной консолидации, не говоря уже о социальной солидарности, крайне трудно» [32].

Изменения социального контекста диктуют уход от представлений о социальной солидарности, которые сложились в классической социологии. Между тем современное видение феномена солидарности предполагает изучение его в рамках дальнейшей разработки теории коллективного социального действия. «Неуловимая субстанция солидарности» [25], в условиях глобального мира может стать основой формирования нового типа общественных отношений, особенно когда конструктивный смысл приобретет коллективная солидарность, реализуемая как на локальном, так и на глобальном уровнях.

Доверие и реакция на недоверие в массовой мобилизации

Идея доверия в различных социальных отношениях чрезвычайно популярна в силу ее эвристических возможностей. Изучением сущности и типологии доверия занимались многие исследователи (Ф. Теннис, Г. Зиммель, Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др.). Эмпирические исследования показали, что доверительные отношения являются условием и признаком сплоченности группы, а недоверие – источником конфликтов. Условно выделяют три уровня существования типологии доверия: 1) Социетальный (на этом уровне доверие изучается в различных сферах общественной жизни, а именно: доверие к власти; доверие общества различным социальным институтам). 2) Организационный (на этом уровне различают доверие внутри какой-либо организации между ее членами по вертикали и горизонтали; доверие человека организациям и группам; доверие между организациями, группами). 3) Межличностный (проявляется как доверие Другому) [2, с. 135].

Массовая мобилизация и тема доверия связаны тем, что коллективные действия в процессе мобилизации зависят от степени доверия между их участниками. При этом результативность взаимодействия субъекта с объектом доверия во многом определяют ситуативные факторы доверия. Эти факторы, как отмечает Р. Гоч, по-разному трактуются исследователями, а именно: В. Зомбарт к ним относил репутацию коммерческой солидности объекта доверия, Э. Гидденс – снижение порога безопасности, насыщение повседневности элементами риска; Н. Луман – «психическое заражение» доверием;

У. Бек – успех/неудачу объекта как фактор доверия/недоверия к нему; Н. Соболева – эффект харизмы объекта доверия; Е. Богданова – восприятие надежности объекта доверия; Ю. Левада – политико-технологические средства мобилизации доверия [12, с. 69].

Понятие «доверие» активно используется в социологических, экономических, политических, антропологических и иных исследованиях, однако его определение остается проблемой из-за неоднозначности интерпретации. Считается, что примерно с 90-х годов XX в. доверие стали рассматривать в качестве ключевого элемента социальных отношений в силу перехода к миру «гибких» социальных отношений и возобновления интереса к моральным связям. Доверие в социальной системе выражается по отношению к индивидам и их действиям (продуктам деятельности) и проявляется, согласно Ф. Фукуяме, в виде «радиусов доверия» – от максимально близких межличностных отношений к более абстрактным ориентациям применительно к социальным объектам [27]. Отметим четыре наиболее распространенные трактовки доверия, которые отражают основные подходы к его концептуализации: доверие как ожидание (trust as expectation); доверие как готовность (trust as willingness); доверие как уверенность или как убеждение (trust as confidence / as belief); доверие как социальная установка (trust as attitude) [1, с. 31].

В настоящее время востребованность доверия позволяет ученым утверждать: «растущая глобальная взаимозависимость, сети связей, контактов, вненациональной кооперации приводят к тому, что доверие является более необходимым, чем когда-либо. Оно становится функциональным императивом глобального общества» [31, с. 424]. Однако такая вера в силу доверия не подтверждается на практике, анализ результатов исследования стран в разных регионах мира привел исследователей к выводу о том, что «ни социальное доверие, ни нормы взаимности не стали универсальным явлением в условиях глобализации» [23, с. 72].

Культура доверия трактуется нами как способ обеспечения согласия с конститутивным порядком событий в контексте ожиданий, обеспечивающих взаимопонимание в конкретной деятельности в определенной сфере. Чем более комплексными становятся сети отношений индивидов, тем более возрастает потребность в доверии и важность самого доверия.

Переход к современному обществу означает возникновение доверия к абстрактным системам, то есть символическим знакам и экспертным системам. Отмечается постепенное расщепление символического капитала доверия к различным социальным институтам. Это относится также к доверию к социальным институтам в странах Восточноевропейского пограни-

чья, где власть и народ все еще разделены глубоким недоверием, а потребность в консолидации общества не реализуется в полной мере из-за тотального горизонтального (между равно расположенными институтами, акторами) и вертикального (к органам власти и управления) недоверия. Недоверие населения к государственным институтам и власти не позволяет государству играть позитивную роль в качестве третьей стороны, которая способствует росту взаимного доверия между членами общества, что особенно остро проявляется в поликультурных обществах, где позитивное влияние государства на социальное доверие проявляется неравномерно по отношению к различным этническим группам (мажоритарным и миноритарным) [36]. В Восточноевропейском пограничье массовая мобилизация начинает концентрироваться вокруг реализации права граждан на отказ от доверия власти, которая дискредитировала себя коррупцией и невыполнением своих обещаний перед народом: «Государство в духе либеральной традиции стреляться поставить на служебное, подчиненное нуждам конкретных людей, место в общей системе социальных отношений» [18, с. 104]. Впрочем, этот процесс десакрализации государства в странах Пограничья проходит неравномерно, с разной степенью солидарности участников массовых протестных выступлений. Однако уровень социального доверия, особенно к власти, остается низким. Примечательно, что трем ветвям власти доверяет порядка 16 % граждан Молдовы: правительству – 16 %, системе юстиции – 15,5 %, а парламенту 14,3 %. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет ± 3 % [10]. Население республики не доверяет исполнительной, законодательной и судебной власти. Об этом свидетельствуют данные опроса общественного мнения, представленного в среду Институтом маркетинга и опросов (IMAS). Так, согласно данным опроса, в парламенте уверены 23 % респондентов, в правительстве – 22 % опрошенных, в системе юстиции – 21 % населения, а в работе Генпрокуратуры – 18 % опрошенных. При этом большим доверием граждан республики пользуется церковь – 76 % опрошенных, средства массовой информации – 54 % и органы местного публичного управления – почти половина опрошенных. Опрос проводился в период с 19 октября по 11 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1 126 человек из 76 населенных пунктов. Погрешность составляет +3 % [17].

Заключение

Коллективная идентичность в Восточноевропейском пограничье нестабильна, проявляется во множестве гибридных форм, выступает следствием распространения

новых информационно-коммуникативных технологий, новых моделей и паттернов социального поведения. Это не может не отразиться на процессах массовой мобилизации в различных сферах жизнедеятельности. Глобализационный контекст задает новые методологические рамки для осмысления социокультурных проблем массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье.

Высокая культура доверия в процессе массовой мобилизации предполагает а) структурные возможности, которые поощряют доверие между участниками коллективного действия; б) агентурные ресурсы (готовность и желание воспользоваться этими возможностями); в) проведение массовой мобилизации и конкретных коллективных действий на принципах научности, открытости, объективности. Доверие в процессе массовой мобилизации включает, с одной стороны, доверие к системе мобилизации (к критериям подбора субъектов коллективного действия, формам контроля за их коллективными действиями, к процедуре и инструментам коллективного действия), а с другой – доверие к организатору (лидеру) массовой мобилизации, уверенность в его высокой профессиональной компетентности, грамотности и личной ответственности за коллективные действия.

Характеристики и перспективы массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье обусловлены особенностями этого Пограничья: социальным составом его жителей, их ментальными чертами, институциональными и социокультурными факторами. Конструктами массовой мобилизации в Восточноевропейском пограничье становятся, во-первых, коллективная идентичность, которая задает пределы коллективного действия, отличает его участников и не участников; во-вторых, коллективная солидарность, которая предоставляет устойчивую мотивацию на коллективные действия; в-третьих, доверие, которое в коллективном социальном действии призвано интегрировать его участников.

Появляются формы массовой социальной мобилизации, которые рассматриваются как копияльный эксперимент в Восточноевропейском пограничье. Гей-парады, социальные движения в защиту прав лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, за свободное распространение оружия и наркотиков – это примеры неоднозначно интерпретируемых акций массовой мобилизации, которые получают распространение в Восточноевропейском пограничье и требуют социологического изучения.

Література

- Алексеева А. Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия / А. Ю. Алексеева // Социологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 22 – 40.
- Андрущенко А. Н. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) / А. Н. Андрущенко // Социологические исследования. – 2013. – № 8. – С. 126 – 135.
- Артюхин М. И. Научная диаспора как ресурс развития белорусской науки / М. И. Артюхин, О. А. Мееровская // Социологический альманах. – 2012. – Вып. 3. – С. 362 – 371.
- Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том 4. – С. 255 – 281.
- Бедность – проблема, которая больше всего тревожит население Молдовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/society/20121121/192533242.html>.
- Безвизовый режим с Евросоюзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/newsline/20140131/195080388.html>.
- Белорусская община Молдовы добилась значимых результатов в сохранении и развитии культуры и традиций Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/society/Beloruskaja-obschina-Moldovy-dobilas-znachimых-rezultatov-v-soxranenii-i-razvitii-kultury-i-traditsij-Belarusi---Osipenko_i_655446.html.
- Бредникова О. Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) / О. Е. Бредникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 12. – Вып. 4. – С. 492 – 497.
- Большинство граждан Молдовы считают, что страна развивается в неправильном направлении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/vote/20131121/194694540.html>
- Главным источником информации граждане Молдовы считают телевидение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/society/20131121/194694684.html>
- Глостанова М. В. Пограничное (со)знание/мышление/эстетизм на пути к транс современному миру / М. В. Глостанова // Общественные науки и современность. – 2012. – №6. – С. 155 – 165.
- Гоч Роксолана. Чинники довіри: концептуалізація та гіпотези / Роксолана Гоч // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2013. – № 3. – С. 45 – 72.
- Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – № 1 (67). – С. 28 – 44.
- Дубин Б. Массовые коммуникации и коллективная идентичность / Б. Дубин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. – № 1 (67). – С. 17 – 27.
- Клеман К. Появление социальных движений нового типа в России / К. Клеман // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 229 – 264.
- Кузнецова Марина. Трансформации профессиональных идентификаций белорусского учительства в постсоветский период / Марина Кузнецова // Перекрестки. – 2012. – № 1-2. – С. 120 – 144.
- Население Молдовы не доверяет всем ветвям власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newsmoldova.ru/society/20131119/194680974.html>
- Оболонский А. В. Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития / А. В. Оболонский // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 101–111.
- Поляков Л. В. «Меньшинства» и «массы» в социальной структуре позднего Модерна / Л. В. Поляков // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 39-52.
- Плискевич Н. М. Тупики инструментальной модернизации / Н. М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 2010. – № 2. – С. 78 – 85.
- Правительство Беларуси и Еврокомиссия подписали соглашение о финансировании проекта «MOST». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/society/Pravitelstvo-Belarusi-i-Evrokromissija-podpisali-soglashenie-o-finansirovanii-proekta-MOST_i_655373.html.
- Римский В. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей / В. Римский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 1. – С. 86 – 96.
- Сасаки М. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, В. В. Воронов // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 73.
- Титаренко Л. Г. Теории Пограничья / Л. Г. Титаренко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Том XXVI. № 2 (67). – С. 28 – 48.
- Филиппов А. Ф. Неуловимая субстанция солидарности / А. Ф. Филиппов // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 231 – 247.
- Филиппов А. Мобильность и солидарность. Статья первая / А. Филиппов // Социологическое обозрение. – Том. 10. – № 3. – 2011. – С. 4 – 20.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию; пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
- Хижняк А. В. Коллективная социальная солидарность: теоретические проблемы социологической диагностики / А. В. Хижняк // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РГ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – С. 8788 – 8792.
- Черник В. Новая госпрограмма о белорусах зарубежья должна помочь наладить диалог с диаспорой [Электронный ресурс]. / В. Черник. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/person/interview/Vasilij-Chernik_i_514460.html
- Что думают белорусы о жизни и о стране? Ответы социологов. 29 Ноября 2011 г. Игорь Котляров. Директор Института социологии НАН Беларуси. Online конференция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/conference/i_235.html (дата: 2 января 2014 г.)
- Штомпка П. Доверие – основа общества : пер. с пол. / П. Штомпка. – М. : Логос, 2012. 440 с.
- Шульга М. О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні / М. О. Шульга. – К. : ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. – 448 с.
- Яницкий О. Н. Новая волна глобального социального движения [Электронный ресурс]. / О. Н. Яницкий. – Режим доступа : http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=756
- Яницкий Олег. Риск-солидарности: российская версия / Олег Яницкий // ИНТЕР. – 2004. – № 2-3. – С. 52 – 61.
- Яницкий О. Н. Элементы теории социальных движений [Электронный ресурс] / О. Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН. – 2012. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2429>.
- Herreros F., Criado H. The state and the development of social trust // Avenel (NJ). – 2008. – Vol. 29. – N 1. – P. 53 – 71.